

13. Плотников А. Учитель к десятилетию Октября // Просвещение на Урале. Свердловск, 1927. № 2. С. 119–132; Каминский Г. К истории учительского движения в Казани и Казанском крае // Просвещение и жизнь. Казань. 1919. № 8-9. С. 98–107; Иванов А.И. Профессиональный союз работников просвещения Владимирской губернии (краткий исторический очерк). Владимир, 1924; Шацкий С.Т. Годы исканий. М., 1923.
14. Чехов Н.В. Народный учитель накануне революции // Просвещение на транспорте. 1927. № 10. С. 135 – 138; Малиновский Н.А. Указ. соч.
15. Калинин П.А. Профессиональное движение среднего медицинского персонала в России. Исторический очерк. М., 1927.

Шведов В.В.
(Екатеринбург)

**Участие уральской милиции в политических
и хозяйственных кампаниях
1920-х – первой половины 1930-х гг.**

1920-е – первая половина 1930-х гг. вошли в историю нашего государства как период осуществления принципиальных политических и социально-экономических изменений, сопровождавшихся заметным усилением роли государственных институтов, в том числе и правоохранительных органов.

В соответствии с действующей в рассматриваемый период нормативно-правовой базой, помимо своих прямых обязанностей по охране правопорядка и борьбе с преступностью, милиция и уголовный розыск оказывали содействие органам государственной власти «при проведении последними в жизнь возложенных на них задач» (1).

Во второй половине 1920-х гг. органы внутренних дел стали привлекать к проведению хозяйственных и политических кампаний. Мобилизационная технология в работе милиции и уголовного розыска достигает особой степени интенсивности в годы коллективизации. Циркуляром № 1/1-с НКВД РСФСР от 16 октября 1929 г. «Об оживлении работы адморганов в хлебозаготовительной кампании» и рядом других ведомственных актов, на милицию и уголовный розыск возлагались обязанности выявлять тормозящих хлебозаготовки лиц; организовывать постоянное негласное осведомление о злоупотреблениях работников заготовительных

аппаратов; пресекать все посягательства на социалистическую собственность (2).

Зажиточные крестьяне старались избежать сдачи хлеба государству, за что привлекались к уголовной ответственности. Уклонявшихся от выполнения твердого задания по сдаче хлебных излишков, суды, как правило, приговаривали к лишению свободы с конфискацией имущества, широко применяя ст. 107 УК РСФСР (Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления) (3). При этом суды, как правило, давали максимальные наказания за сокрытие хлеба.

27 апреля 1931 г. был проведен показательный процесс в селе Походиловском над пятью крестьянами. Они обвинялись в том, что не сдали ни килограмма хлеба на семена. И хотя крестьяне утверждали, что у них нет хлеба, при обыске в мастерской только у одного из них нашли 300 пудов зерна. Подследственные получили по 5 лет высылки с конфискацией имущества (4).

Народный суд Шумихинского района осенью 1930 г., рассмотрел уголовное дело в отношении ряда жителей этого района, злостно уклонявшихся от выполнения твердого задания по сдаче хлебных излишков. Они были приговорены к лишению свободы на срок от одного до двух лет (5).

Среди осужденных были братья Созоновы Никита и Алексей. Их уже привлекали за сокрытие хлеба к принудительным работам. На 1930 г. комиссия дала им твердое задание в 105 ц, но Созоновы сдали всего лишь 14 ц. Их также обвинили в том, что они дезорганизовали другие единоличные хозяйства села. В результате выполнение общего плана, принятого селом по единоличному сектору, к началу октября составило лишь 1,5%.

Еще один осужденный, Старикевич Фома, обмолотил зерна около 100 ц и в счет твердого задания по хлебу в 80 ц сдал 10. Его односельчанин Артемьев Григорий, имеющий твердое задание по хлебу в 75 ц, и сдавший всего 34 ц, при попытке описи имущества подговорил жену напасть с колом в руках на представителей местной власти (6).

Получая от осведомителей информацию о тайниках с зерном, сотрудники милиции и угрозыска производили обыски у кулаков и сочувствующих им лиц.

В деревне Толстопятовой Ярковского сельсовета в доме местного кулака Колупаева во время обыска были обнаружены закопанными 6,5 ц хлеба. Колупаев заявлял: «Хлеб не мой, ямы я никакой не знаю». Мешки со спрятанной мукой были помечены метками «К. М.», а таких меток ни у кого другого как у Колупаева в земельном обществе не было. Народный суд приговорил Колупаева по ст. 107 УК РСФСР к лишению свободы сроком на один год с конфискацией имущества (7).

Опыт оперативной работы стражей правопорядка местные власти успешно использовали в борьбе с «агитацией классового врага, вредительской деятельностью», проведению в исполнение постановлений по реквизиции и конфискации, выявлению кулацко-зажиточной части и привлечению ее к ответственности (8).

За кулаками и примыкающими к ним элементами устанавливалось постоянное наблюдение. Выявлялись факты агитации кулака против вступления в колхоз, действия, направленные против создания семенного фонда, порча и разбазаривание семян, проникновение классово-чуждого элемента в колхозы. Осведомители должны были предоставлять своевременную информацию в угрозыск о случаях распродажи, порчи и сокрытия имущества кулаками, раздачи на хранение вещей беднякам и середнякам (9), по получении которой сотрудники милиции и угрозыска производили обыски у кулаков и сочувствующих им лиц, изымая спрятанное и привлекая виновных к уголовной ответственности (10).

Наряду с этим сотрудники милиции проверяли и сообщения о фактах «перегибов» во время проведения хлебозаготовительных кампаний. Осенью 1931 г. в Чернушинском районе поселковый совет дал задание середняку с одной лошадкой обработать 16–17 га земли. Там же за не сдачу зерна описали и продали все имущество семьи красноармейца. После проверки все изъятое было возвращено, а председателя поссовета отдали под суд (11).

В 1933 г. в одном из сел Уралобласти инвалиды, получающие 6–7 руб. пенсии, были обложены культурным налогом по 18–20 руб. Поселковый совет послал задание по сдаче 25 кг мяса 70-летней Фроловой, пенсия которой составляла 6 руб. 70 коп. в месяц. За невыполнение этого задания члены поселкового совета забрали у Фроловой последнюю корову, увезли с крыши сено. Когда по ходатайству Фроловой областные организации постановили вернуть ей незаконно взятую корову, поссовет снял ее с пайка (12).

Помимо исполнения охранительных и контрольных функций, органы правопорядка оказывали содействие местной власти в мобилизации денежных средств крестьянского населения, участвовали в «борьбе с техническими неполадками на производстве», «борьбе за качество продукции», «борьбе с браком», «борьбе за снижение себестоимости», «борьбе за укрепление трудовой дисциплины, против рвачей, прогульщиков и вредителей производства» (13). Участвуя в социалистической реконструкции сельского хозяйства, они работали в бригадах подшефных колхозов, проверяли сохранность семенных фондов и тягловой силы, участвовали в заготовке свиных шкур и кампаниях по сбору овощей (14).

Реорганизация административных органов в 1930–1931 гг., с одной стороны, освободила милицию и уголовный розыск от многих несвойственных функций, но с другой – подняла их роль в хозяйственно-политической жизни страны.

Оперативные подразделения органов охраны правопорядка изучали поступающие к ним компрометирующие сведения на работников колхозов, контролировали проведение райисполкомами мобилизаций населения в порядке трудовой повинности для борьбы с сорняками, боролись с бесхозяйственным использованием сельхозмашин, инвентаря и материалов. Весной 1931 г. в правоохранительные органы поступила информация о том, что в мастерских Кургана, Камышлова, Челябинска и Красноуфимска вредительски относятся к ремонту тракторов. Выпущенные из ремонта трактора не доходя до места ломались, что приводило к срыву сева (15). Сотрудникам милиции было поручено организовать проверку этих фактов, провести осмотр ремонта тракторов и пресечь выступления классовых врагов в период весенней посевной кампании, рассматривая в кратчайшие сроки возникающие в ходе этой работы административные и уголовные дела (16).

Всего, по данным Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) Уралобласти, за время посевной кампании 1932 г. милиция провела 121 проверку готовности к севу, участвовала в хлебозаготовительных кампаниях, проведении займов, сборе денежных ресурсов и в других акциях (17).

Участие в кампаниях подразумевало направление работников милиции и уголовного розыска в длительные командировки, что отвлекало их от основной работы. В 1927 г. треть административных

органов районного и городского звена не представили в окружные адмотделы отчеты о результатах своей деятельности. Причиной стало отвлечение руководителей этих подразделений на уборочные и хлебозаготовительные кампании (18).

Административное управление, впоследствии Управление милиции и уголовного розыска Уралобласти неоднократно обращалось в обком ВКП(б) и облисполком с просьбой освободить органы охраны правопорядка от выполнения не входивших в их компетенцию функций – наблюдения за ходом ремонта тракторов, подготовки бригадиров, трактористов, вывозки и протравливания семян, проработки посевных планов, ухода за скотом (19).

Их требования поддерживали и представители иных силовых структур области. В 1930 г. помощник Полномочного представителя ОГПУ по Уралу А. Клочков в госинформсводке приводил ряд фактов, когда райкомы партии отрывали милицию от основной работы и, несмотря на огромную загруженность, направляли на хозяйственно-политические кампании (20).

Не избежали участия в хозяйственных кампаниях и работники аппарата областного Управления милиции и уголовного розыска. 23 января 1931 г., в период реорганизации органов внутренних дел Уральской области, постановлением Секретариата Уралобкома ВКП(б) первые лица областной милиции – Берг, Баранов и Скорняков в качестве уполномоченных были командированы на лесо- и мясозаготовки (21).

В течение декабря 1930–июня 1931 гг. местным партийным организациям был направлен целый ряд распоряжений, циркулярных писем и директив областного комитета ВКП(б), в которых запрещалось использовать милицию не по назначению, проводить переводы работников милиции и уголовного розыска на другую работу и командировать их на проведение различного рода кампаний без согласования с начальником милиции и уголовного розыска области (22).

Предписания не перебрасывать сотрудников милиции на другую работу и не поручать несвойственные им функции содержались и в ведомственных нормативных актах, поступавших из Москвы (23). Но, как показывала практика, райкомы и райисполкомы не выполняли этих указаний, продолжая направлять стражей правопорядка на проведение кампаний под угрозой привлечения к партийной ответственности и увольнения из органов милиции (24).

Так, Камышловский райком ВКП(б) и райисполком наряду с начальником райуправления и его помощником, направили в командировку четырех партийных сотрудников милиции. При этом закрепленные за ними посты остались открытыми. В Нижнетавдинском районе командировали не только начальника раймилиции, но и участковых инспекторов (25). В Катайском районе осенью 1931 г. шестерых милиционеров послали копать картошку (26).

В ряде мест парторганизации переходили от угроз к репрессиям в отношении руководителей милиции. В Манчажском районе в ответ на отказ начальника районной милиции и уголовного розыска выехать в командировку, секретарь райкома партии заявил, «что он хозяин в районе и за все отвечает» и предложил председателю районной контрольной комиссии ВКП(б) исключить неподчинившегося милиционера из партии. Самому же начальнику милиции секретарь райкома предложил покинуть территорию района со словами: «Все равно добьюсь твоего увольнения из милиции» (27).

За отказ поехать в командировку решением райкомов ВКП(б) были переведены на работу народными судьями – в Фокинском районе инспектор уголовного розыска, в Мокроусовском – начальник милиции. Долматовский райком ВКП(б) перевел участкового инспектора на должность следователя. В других районах – Верхотурском и Каслинском начальник райуправления и инспектор уголовного розыска были просто уволены из органов. Шадринский райком ВКП(б) командировал на хлебозаготовки 11 сотрудников милиции. На требование начальника милиции отозвать их обратно он ответил отказом: «Скажем, что они уехали по ведомственной линии» (28).

Как признавало само руководство областной милиции, такая практика имела место из-за непонимания местным руководством значения милиции: многие из них не видели различий в работе милиции, суда и прокуратуры (29).

С подчинением милиции и уголовного розыска органам ОГПУ и переводом их на госбюджет, местные власти продолжали привлекать милицию к проведению кампаний. Под угрозой дисциплинарной ответственности руководство УРКМ Уралобласти запрещало выполнять распоряжения местных организаций о выезде начальников РУМ и их подчиненных в командировки, не связанные с

деятельностью по ведомственной линии как правило, эти распоряжения не выполнялись (30).

С началом политики «ликвидации кулачества как класса» Урал становится местом ссылки сотен тысяч крестьян. К январю 1932 г. на Урал было переселено около 540 тыс. человек (31). Для практической реализации мер по выселению кулачества, наряду с органами ОГПУ, в качестве вооруженной силы привлекалась и милиция, на которую была возложена обязанность назначать места ссылки и этапировать ссыльных. Милиция сопровождала выселяемых с местожительства до районных центров и далее к базам погрузки. Под руководством милиционеров создавались бригады из сельского актива, которые были обязаны принимать меры, предотвращающие побег высланных (32).

На территории Уральской области организовывались кулацкие колонии. В штатах подразделений милиции создавались комендантские секторы (33). Вводились должности участковых инспекторов по ссылке. Так, приказом начальника Управления милиции и уголовного розыска Уралобласти № 23/8 от 24 апреля 1931 г. по области в штат были введены 18 единиц инспекторов, в том числе в Березниковском районе – 3 единицы, Тобольском и Коми-Пермяцком округах, Ивдельском и Чердынском районах – по 2 единицы, Туринском, Ныробском, Таборинском, Гаринском, Тавдинском, Благовещенском районах – по единице (34).

На заседании комиссии бюро Уралобкома ВКП(б) по вопросу об использовании спецпереселенцев 16 мая 1931 г. Управлению милиции и уголовного розыска Уралобласти было поручено немедленно укрепить областное комендантское управление и обучать выдвигаемых комендантов на трехнедельных краткосрочных курсах (35).

Органы внутренних дел также следили за соблюдением секретных предписаний, определявших места проживания лиц, приговоренных к высылке с запрещением проживания в отдельных местностях (Свердловск, Магнитогорск, Челябинск и др.), а также мест судебной ссылки без принудительных работ и закрепленных за ними районов Уральской области (районы, направляющие ссыльных и районы расселения) (36).

Политика руководства советского государства вызывала сильное сопротивление крестьян. В течение 1920-х гг. с мест поступали сообщения о массовых беспорядках, инициаторами которых

назывались кулаки. Пресекать все враждебные действия со стороны населения, задерживать нарушителей правопорядка должна была милиция (37).

20 октября 1924 г. в деревне Патрева Комаровского сельсовета толпа кулаков избила во время проведения собрания председателя сельсовета Дударева. При этом вооруженный вилами 60-летний мужчина кричал, что «коммунистов он с удовольствием будет убивать». Виновные милицией были задержаны (38).

В конце 1920-х гг. число волнений в сельской местности резко возросло. Причиной восстаний служили многочисленные «перегибы» со стороны властей, явные злоупотребления со стороны отдельных советских работников, которые запрещали внутридеревенскую продажу хлеба, закрывали «вольные» хлебные рынки, принудительно распределяли облигации крестьянского займа при расчетах за хлеб и при продаже дефицитных товаров (39).

Выступления происходили против организации колхозов, проведения хлебозаготовок, экспроприации и выселения кулаков, разграбления и закрытия церквей. Крестьяне нападали на активистов-колхозников, милиционеров, отбивали арестованных (40).

23 апреля 1930 г. в селе Битимка Первоуральского района, при проведении описи имущества у раскулаченного, были избиты трое активистов-комсомольцев и председатель сельсовета. По словам пострадавших на них напала толпа численностью не менее 200 человек. Только в присутствии вызванного из Билимбая милиционера раскулаченный сдался. Но по пути в сельсовет односельчане вновь пытались отбить задержанного. Милиционеру и одному из комсомольцев пришлось трижды выстрелить в воздух (41).

В деревне Соколы Петропавловского сельсовета уполномоченный по коллективизации А.П. Хомяков, явившись в дом беднячки Деметьевой для занесения ее в список ликвидации неграмотности, «попутно» предложил подписать заявление о вступлении в колхоз. Под давлением 12-летний сын женщины подписался за свою мать. Так поступили и с другой жительницей этой деревни. Когда же Дементьева на собрании заявила, что она в колхоз не записывалась, Хомяков ее арестовал. Он же задержал еще двух членов сельсовета – бедняков за то, что те на собрании по вопросу коллективизации попросили познакомить их с уставом колхоза (42).

Число подобных выступлений росло, что негативно сказывалось на результатах оперативно-служебной деятельности милиции.

Районный инспектор милиции жаловался, что зимой 1930 г. он должен был в одном месте противостоять кулацкой агитации за саботаж колхозов, священникам и их пособникам, не позволявшим закрыть церковь, – в другом, кулакам и попам, сопротивлявшимся раскулачиванию, – в третьем, убою скота – в четвертом, беспорядкам на лесоповале – в пятом. Начальство в районном отделении милиции, говорит он, помогало только «бумажными инструкциями». При этом транспортом его никто не обеспечивал (43).

Тем не менее, милиция активно принимала участие в кампаниях на селе. В 1930 г. для борьбы с кулацкими элементами было направлено в деревню около трех тысяч сотрудников уральской милиции. В это число входили курсанты и резервисты кавалерийских частей милиции (44). Но даже задействовав все резервы, милиция не могла эффективно противостоять народному гневу (45).

Таким образом, в 1920-е – первой половине 1930-х гг., милиция и уголовный розыск, помимо выполнения задач по борьбе с преступностью и охране общественного порядка, оказывали содействие иным органам государственной власти, участвовали в проведении коллективизации, ликвидации кулачества как класса, «борьбе с браком» и других политических кампаний. В рассматриваемый период на милицию были также возложены обязанности охраны и конвоирования раскулаченных спецпереселенцев.

Отвлечение милиции и угрозыска на выполнение этих функций негативно сказывались на результатах деятельности милиции и угрозыска по борьбе с преступностью и охране правопорядка и серьезно подрывали авторитет милиции среди населения.

---

1. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 30. Л. 7.

2. Там же. Д. 39. Л. 40; Д. 41. Л. 49; Оп. 3. Д. 13. Л. 8, 9.

3. ГАСО. Ф. Р-854. Там же. Оп. 3. Д. 13. Л. 10; Что должны помнить прокуроры и судьи // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1930. №58. С. 15; Обмануть не удалось // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1930. № 6. С. 13; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сборник документов и материалов. Т. 1. / Сост.: Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2005. Т. 1. С. 9.

4. Павлов. Органы юстиции в борьбе за второй большевистский сев // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1931 № 32. С. 10-11.

5. Что должны помнить прокуроры и судьи. С. 15.
6. Там же.
7. Обмануть не удалось С. 13.
8. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 39. Л. 40; Д. 41. Л. 49.
9. Коровин. Классовая борьба и задачи адморганов // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1930. № 8. С. 5.
10. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 13. Л. 10.
11. Павлов. Органы юстиции в борьбе за второй большевистский сев. С. 10-11.
12. Чужаки зажимают, прокурор Зимин им способствует // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1933. № 10. С. 12.
13. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 2. Л. 27 об; Бюллетень областного административного управления, областного суда и областной прокуратуры Уральской области. 1930. №3. С. 13–14; Там же. № 4. С. 12-13.
14. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 39. Л. 13; Бюллетень областного административного управления, областного суда и областной прокуратуры Уральской области. 1930. № 4. С. 13.
15. Павлов. Органы юстиции в борьбе за второй большевистский сев. С. 10-11.
16. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 60. Л. 13.
17. Музей истории ГУВД по Свердловской области. Коллекция документов. Оп. 1. Д. 3. Л. 345.
18. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 19; ГАПК. Ф. Р-343, Оп. 1. Д. 25. Л. 64; Р-345. Оп. 1. Д. 23. Л. 23, 27.
19. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 75. Л. 10.
20. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 101. Л. 34.
21. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 16. Л. 6.
22. Там же. Д. 16. Л. 9-11, 14, 19; Д. 30. Л. 6, 6 об.; Д. 31. Л. 3, 3 об.
23. Там же. Д. 30. Л. 144–145 об.
24. Там же. Л. 7.
25. Там же. Л. 6.
26. Там же. Д. 16. Л. 62-63.
27. Там же. Л. 9.
28. Там же. Л. 9-11.
29. Там же. Л. 75.
30. Там же. Д. 85. Л. 41.
31. Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 38.
32. Бодерко Л.Н. История милиции Западной Сибири в 1930–1956 годах. Тюмень, 2001. С. 77.
33. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 17. Л. 28.
34. Там же. Д. 21. Л. 48.
35. Там же. Д. 16. Л. 29.

36. Там же. Д. 30. Л. 54.
37. Состояние и работа местных органов НКВД (по материалам с I/X 29 г. по I/II 30 г.) // Административный вестник. 1930. №4. С. 60-61.
38. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 213.
39. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 2. Л. 27, 27 об.; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. Т. 1. С. 59, 60, 65; Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900-1984 гг. Документы и материалы. В 2-х т. / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. Т. 2. С. 16, 19, 20, 78, 91.
40. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928 – 1934 гг. Т. 1. С. 51, 106; Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 2. С. 104, 105; Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.). М., Т. 3. Ч. 2. 2001. С. 543, 544, 616, 624; Что должны помнить прокуроры и судьи. С. 15.
41. ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1893 а. Л. 105, 106.
42. Садовников И. За классовую чистоту в революционной законности // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1930. №24-25. С. 26-28.
43. В районе сплошной коллективизации // Административный вестник. 1930. № 4. С. 60-61.
44. Кизилев И.И. НКВД РСФСР (1917–1930). М., 1969. С. 149.
45. К истории милиции на Среднем Урале / Под. ред. А.А. Торшенко Свердловск, 1988. С. 61-62.

Шестова Т.Ю.
(Пермь)

**Санитарно-бытовые условия уральских школ
в конце XIX – начале XX вв.**

Общеизвестно, что система обучения с точки зрения бытовых условий, перегрузки школьных программ негативно влияет на становление молодых организмов школьников и освоение знаний дается учащимися дорогой ценой. Проблема санитарно-бытовых условий обучения была всегда характерна для школьной практики.

Главнейшим условием обучения является само здание школы. С введением земства в Пермской губернии школы чаще всего размещались в общественных либо купленных земством домах. При приспособлении купленных зданий порой возникали проблемы. Так оказалось, «в одном из уездов, что при перестройке школы бывшее ранее отхожее место с выгребной ямой превратилось класс» (1).